

ТАКТИКА УКЛОНЕНИЯ В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ПОРТРЕТНОГО ИНТЕРВЬЮ

Интервью-портрет представляет собой совершенно особый жанр публицистики, получивший развитие в конце прошлого столетия, когда вследствие процесса демократизации увеличилось внимание общества к отдельной личности, к ее индивидуальности [подробнее см. Сыченков 2000].

Как сравнительно новая разновидность жанра, портретное интервью оказывается в фокусе современных лингвистических исследований. В новейших диссертационных работах подчеркивается его специфика как «звездного» интервью [Швец 2004], как «художественно-публицистического жанра», «профессионального интервью» [Сыченков 2000], как «комплексного информационного публицистического жанра» [Кузнецова 2008].

В качестве основного приема термин В.И. Максимова *интервью-портрет*, являющийся, на наш взгляд, наиболее универсальным, вбирающим в себя перечисленные характеристики. Исследователь называет интервью-портрет «штучным товаром» [Максимов 2007], подчеркивая, что его берут у людей известных, интересных, обладающих даром рассказчика. На первый план здесь выходят не отдельные факты и мнения, а сам человек. Такое интервью содержит большой объем личностной информации и является менее информативным с точки зрения его общественно-политической значимости, что принципиально отличает его от *информационного интервью* [Швец 2004: 10] и позволяет рассматривать интервью-портрет как совершенно особый диалогический дискурс.

Нетипичной для традиционного интервью с его фиксированной вопросно-ответной формой является *композиция* портретного интервью, представляющая собой, по определению Е.В. Швеца, особый *тип импровизированной беседы* [Швец 2004: 11]. Поэтому уровень официальности в данном случае снижается.

Задача журналиста сводится к максимально полному раскрытию личности собеседника, созданию его яркого образа у зрительской аудитории, прежде всего через языковую личность респондента – «*совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов)*» [Караулов 2007: 42].

Интерес к говорящей личности – одно из приоритетных направлений современных лингвистических исследований [Голубева-Монаткина 1991; Иссерс 2008; Караулов 2007]. Тезис Ю.Н. Караулова о мотивированности индивидуальных особенностей конкретной языковой личности ее «коммуникативно-деятельностной потребностью» [Караулов 2007: 56] послужил базой для многочисленных исследований в русле антропологической лингвистики. В диссертационных работах последнего десятилетия языковая личность активно рассматривается в нескольких аспектах: изучаются ее социолингвистические параметры [Шаповалова 2009; Швец 2004;]; анализируются национальный компонент [Караулов 2007; Шестак 2003] и диалектные особенности [Лютикова 2002]; языковая личность освещается с точки зрения медицины [Меркулова 2006], а также с учетом возрастных особенностей [Анискина 2001] и т.д.

Приведенный спектр работ позволяет увидеть исследуемое явление с разных точек зрения и дать комплексный анализ конкретной языковой личности на каждом из организующих ее уровней: собственно языковом, логико-когнитивном, коммуникативно-прагматическом [подробнее см. Караулов 2007: 42].

Последний и определяет речевое поведение говорящего, выбирающего в ходе беседы определенную *коммуникативную тактику* – совокупность речевых приемов, «направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего» [Иссерс 2008: 56]. В работах Е.В. Швеца описаны три тактики, используемые в ответах (примеры О.С. Иссерс – выделено нами).

- 1) Тактика **содействия** (достаточно полные и правдивые ответы на вопросы):
 - Камни, я вижу, подобраны со вкусом. **Сколько стоила** вся эта музыка?
 - **Тысяч семьдесят – семьдесят пять.**
(Ильф, Петров. Двенадцать стульев).
- 2) тактика **противодействия** (отказ отвечать на вопрос).
 - Если говорить о деньгах...
 - **Мне бы не хотелось.**
 - Говорят о вашей дружбе с одним русским художником...
 - **Это** почти также **неинтересно**, как и разговор о деньгах.
(Интервью с Катрин Денев //АиФ. 20.06.98).

3) тактика **уклонения** (осознанное или неосознанное нежелание открывать запрашиваемую информацию):

- **Почему** ты молчишь?
- **А что** я должен сказать?

(Токарева. Груда камней голубых).

Как подчеркивает Е.В. Швец, основная стратегическая цель в портретном интервью достигается журналистом обычно при помощи *тактики содействия*, реализующейся в полных, честных ответах на вопросы журналиста.

Однако собеседник далеко не всегда готов дать искренний и продуманный ответ на вопрос. Считаем, что не прямые ответы, *реализующие тактику уклонения*, являются одним из свойств живой разговорной речи, для которой характерны естественность, непринужденность, спонтанность.

Помимо очевидных коммуникативных и психологических причин непрямого речевого поведения отвечающего, существенными оказываются и *лингвофилософские предпосылки* выбора подобной тактики общения: говорящие совместно конструируют особый, допустимый лишь в диалоге, субъективный *мир* [Кушнерук 2009: 256], формируемый в соответствии со знаниями, представлениями и установками участников диалога. В объективной действительности ему противостоит «реально существующее в мире положение дел» [Смирнова 1986: 72]. Информативность и коммуникативность как основные качества ответов, реализующих *тактику содействия*, характеризуют такие высказывания отвечающего, в которых он соотносит представленные в диалоге *возможные миры* [Смирнова 1986: 72] вопроса с объективной действительностью, а не «строит» свои собственные *миры*, тем самым уклоняясь от прямого ответа на вопрос.

Как показывают наши исследования [Маркина, Колесникова 2009 б; в], в публичном дискурсе нарушения такого типа обнаруживаются, в первую очередь, в политической риторике, так как уровень ответственности (административной, этической, социальной), лежащей на человеке, в достаточной мере определяет степень прямоты и искренности ответов, а следовательно, и выбранную речевую тактику.

Гораздо реже тактика уклонения встречается в жанре портретного интервью, в фокусе которого оказывается прежде всего личность человека, а не его социальная функция.

Цель настоящей статьи – описать речевую тактику уклонения как неконструктивную линию коммуникативного поведения в диалоговом дискурсе портретного интервью.

Объект – классический информационно-развлекательный дискурс интервью-портрета в авторской программе журналиста, писателя, режиссера Андрея Максимова «Личные вещи» («Петербург-Пятый канал»).

Диалогический дискурс интервью-портрета предполагает доверительное общение журналиста и его собеседника. Однако респонденту иногда бывает сложно абстрагироваться от выполняемых им полномочий и чувства ответственности, связанного с высокой занимаемой должностью, что приносит в ответы больше коллективного, чем индивидуального.

Такого типа ответные реплики обнаружены нами в интервью А. Максимова с Александром Любимовым (программа «Личные вещи» от 8 ноября 2009 г., «Петербург — Пятый канал»).

22 года назад Александр Любимов начинал самую значительную программу современного телевидения «Взгляд» простым ведущим. Эта программа объединяла всю страну, делала её свободной. Идея свободы, свободы слова, и на сегодняшний день остается главной для Александра Михайловича, заместителя директора государственного телеканала «Россия».

Съёмка программы проходила в рабочем кабинете, где все личные вещи относятся к телевизионному делу – диски, пульт дистанционного управления, награды. Все же, несмотря на то что большинство ответов А. Любимова реализовали тактику содействия, коммуникативное поведение респондента отмечено большим уровнем официальности, чем это предписывают каноны диалогического дискурса портретного интервью. Прямые ответы в данном случае представляются нам более абстрактными и обезличенными, чем ответные реплики, реализующие речевую *тактику уклонения*. Последние, на наш взгляд, имплицитно несут гораздо больше информации о собеседнике.

Поэтому сосредоточимся далее на анализе данного типа реплик, представляющихся нам наиболее выразительными в рамках беседы, и охарактеризуем их роль в реализации языковой личности респондента.

**Лингвистический анализ фрагментов интервью Андрея Максимова (М.)
с Александром Любимовым (Л.)**

1. Вопрос-ответ

М.: 94-95-е гг. – это было время, когда наши люди постепенно начали понимать, что такое свобода, очень много об этом говорили, рухнул железный занавес. **В смысле ощущения собственной свободы отличались ли американские люди, скажем, от наших?**

Л.: Конечно. И сейчас отличаются.

М.: В чем?

Л.: Опыт жизни в состоянии свободы накладывает сразу очень много ограничений на эти представления. **Прежде всего, свобода – это, скорее, внутреннее состояние, чем его внешние проявления. Во-вторых, свобода – это ответственность за проявление этой свободы. В-третьих, свобода – это в том числе свобода от свободных, но неприятных действий других людей, которые разрушают твою свободу и так далее.**

Комментарий

Чтобы не нарушать смыслового единства и семантических связей внутри микротемы диалога, рассмотрим данный речевой фрагмент целиком. Он состоит из двух вопросительных и двух ответных реплик, первая из которых представляет собой *прямой ответ*.

Вторая же реплика является *неответом* на открытый вопрос журналиста (*В чем [отличаются]?*)

Респондент подменяет ожидаемый и журналистом, и зрителями прямой ответ абстрактными размышлениями о понятии «свобода», что, несомненно, является нарушением коммуникативной нормы в диалоге. Энтропия, свойственная вопросу, сохраняется и в ответе.

Тем не менее, грамотный в языковом отношении и четко структурированный ответ (*прежде всего, во-вторых, в-третьих*) может ввести адресата в заблуждение – рассуждения представлены в избытке, однако ответа зритель так и не услышал.

Такая коммуникативная путаница вызвана несоответствием вербально-семантического и прагматического уровней языковой личности, что интуитивно чувствуется зрителем и профессионально замечается А. Максимовым (даже мимика и закрытая поза ведущего отражали недоумение и разочарование по поводу неожиданного ухода респондента от ответа на вопрос).

Возможно, причиной такого коммуникативного поведения А. Любимова стало расценивание вопроса как личностного или опасение задеть чьи-либо интересы (некоторое время А. Любимов провел в Соединенных Штатах, получая политическое образование в Гарварде).

Тем не менее, установленный в начале программы коммуникативный контакт потерян, и в следующих вопросах ведущий вынужден сменить тактику на более жесткую для получения информации.

2. Вопрос-ответ

М.: *Есть ли на современном телевидении передачи, которые помогают обществу себя осознать?*

Л.: *Видите ли, сейчас идет очень быстрый процесс, за которым не успевают текущие дисциплины, даже журналистика, не говоря уже о театре, литературе. У нас соединились два процесса – мы в этом смысле одна из самых молодых наций мира – политический перелом совпал с технологическим, который произошел во всем мире (мобильная связь, интернет и так далее).*

Комментарий

Учитывая избранную в предыдущих ответах речевую тактику респондента, ведущий вынужденно открывает новую тему *закрытым вопросом* (т.е. предполагающим конкретный ответ – *да* или *нет*).

Сам А. Максимов замечает: «Когда задаешь закрытый вопрос, самое главное – понимать: установлению контакта это способствовать не будет. Но это может способствовать получению информации, что в интервью все-таки главная задача» [Максимов 2009: 153].

В данном случае собеседник уклоняется от ответа и на закрытый вопрос, не желая высказывать ни свое личное, ни профессиональное мнение.

В очередной раз респондент уходит в пространные рассуждения, не оправдывая коммуникативных ожиданий телезрителя.

Не называя конкретных имен и передач, А. Любимов проявляет, возможно, чрезмерную осторожность, что, на наш взгляд, вызвано спецификой его профессиональной деятельности.

3. Вопрос-ответ

М.: *Складывается впечатление, что посылать доброту – это вообще не дело телевидения. Есть актуальность, есть история, а вот такого доброго посыла практически нет. Это правильно? Так должно быть?*

Л.: *Мне кажется, телевидение – очень многосложный, эмоциональный букет, который предлагается аудитории. В одно и то же время суток человек может видеть совершенно разное.*

М.: *А что, у нас есть передачи, которые несут добро?*

Л.: *Я думаю, что 50 процентов сериального прайм-тайма – это добро. Здесь всегда очень силен компонент человеческих отношений.*

Комментарий

В данном речевом фрагменте ведущий снова счел необходимой постановку вопроса в закрытой форме, запрашивающей мнение собеседника.

И настойчивость журналиста была вознаграждена – умело проигнорировав первый вопрос ведущего, в ответе на уточняющий вопрос А. Любимов вынужден дать более или менее конкретную информацию, понимая, как профессиональный телеведущий, что дальнейшее прямое уклонение от ответов будет способствовать неизбежному нарастанию эмоционального напряжения в кадре.

Таким образом, в данном фрагменте беседы наглядно представлена реализация одного из важнейших принципов поведения журналиста в телеинтервью, выделенного А. Максимовым: *«Выспрашивайте информацию до той поры, пока не станете столь же компетентными в данном вопросе, как ваш собеседник»* [Максимов 2009: 167].

Речь идет о тактике использования уточняющих вопросов. Автор называет их «фундаментом» лобой информации. В чем нас и убеждает данный пример.

Таким образом, языковую личность А. Любимова формируют специфика его профессиональной деятельности как журналиста и ведущего (т.е. человека, работающего в эфире и профессионально владеющего словом), с одной стороны, и руководящего сотрудника телекомпании (что предполагает высокую степень ответственности и накладывает определенный отпечаток несвободы на речевую деятельность интервьюируемого) – с другой.

Сложившаяся таким образом система основных концептов и идей А. Любимова не позволяет нам сформулировать специфику его индивидуального видения картины мира. Личное в данном случае вытесняется социальной функцией, что затрудняет восприятие говорящего как носителя собственной индивидуальной системы ценностей.

Особенности речевого мышления в данном случае проявляются в структурности, четком и грамотном оформлении мысли, и в то же время – в абстрактности, обезличенности некоторых суждений, что делает речь отвечающего официальной и строгой. Прежде всего, это выражается в безукоризненно грамотном, «книжном» использовании грамматических конструкций и различных языковых формул, приведении статистических данных. Официальная речь респондента характеризуется, в том числе, и минимальным использованием средств выразительности, но и они несут все тот же оттенок формальности, не индивидуальности (напр., метафора: *Мне кажется, телевидение – очень многосложный, эмоциональный букет, который предлагается аудитории*).

Однако это в какой-то мере компенсируется обширными знаниями, которые демонстрирует А. Любимов в различных областях – социальной, политической, профессиональной телевизионной и др. Другое дело, что совсем не они были нужны А. Максиму.

Портретное интервью для зрителя – это всегда ценная возможность познакомиться с уникальным внутренним миром гостя программы. Поэтому абсолютное большинство респондентов легко идет на контакт с журналистом, выбирая *тактику содействия* (о чем свидетельствует наш анализ передач с В. Шендеровичем, В. Познером – см. Маркина, Колесникова 2009а; 2010), в то время как «закрытое» коммуникативное поведение гостя в программе «Личные вещи», которое демонстрирует А. Любимов, – большая редкость. Выбранная респондентом деструктивная тактика уклонения препятствует установлению и поддержанию коммуникативного контакта, вызывающего определенные сложности: со стороны ведущего – профессионального и психо-эмоционального характера, со стороны зрителей – трудности в восприятии звучащей речи респондента, перегруженной избыточными рассуждениями и фактическими данными.

Таким образом, целевой уровень языковой личности А. Любимова в данном интервью характеризуется реализованной им речевой *тактикой уклонения*, являющейся деструктивным фактором, нарушающим естественную коммуникацию интервью-портрета.

Литература

Анискина Н.В. Языковая личность современного старшеклассника: Дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2001.

Голубева-Монаткина Н.И. Классификационное исследование вопросов и ответов диалогической речи // Вопросы языкознания. М., 1991. №1. С. 125-134.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 6-е. М.: Издательство ЛКИ, 2007.

Кузнецова В.В. Коммуникативное поведение участников портретного интервью: автореф. Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008. Лютикова В.Д. Языковая личность: идиолект и диалект: Дис. ... д-ра филол. наук Екатеринбург, 2002.

Кушнерук С.Л. Методологический потенциал теории текстовых миров в исследованиях дискурса // Актуальные процессы в различных типах дискурсов. Материалы международной конференции 19-21 июня 2009 г. Москва-Ярославль: Ремдер, 2009. С. 254-258.

Лютикова В.Д. Языковая личность: идиолект и диалект: Дис. ... д-ра филол. наук Екатеринбург, 2002.

Максимов А. Не молчи, или Книга для тех, кто хочет получать ответы. М., 2009.

Максимов В.И. Русский язык и культура речи. М., 2007.

Маркина Е.Е., Колесникова И.Н. Коммуникативность и информативность ответов в диалоге как характеристика языковой личности / Образ России в отечественной литературе от «Слова о Законе и Благодати» митр. Иллариона до «Пирамиды» Л.М. Леонова: движение к многополярному миру. Материалы VI Международной конференции. (9-11 сентября 2009 г.) Ульяновск, УлГТУ., 2009 а. С. 180-189.

Маркина Е.Е., Колесникова И.Н. Лингвистическое исследование фрагментов первого интервью президента Дмитрия Медведева (несобственно-ответы) // Русское слово: материалы межрегиональной научно-практической конференции памяти профессора Е.И. Никитиной. Вып. 1. Ульяновск: УлГПУ, 2009 б. С. 49-54.

Маркина Е.Е., Колесникова И.Н. Неответы в диалоге как лингвистическое явление / Лингвистика. Межкультурная коммуникация. Лингвокраеведение. Материалы II Межрегиональной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов (Ульяновск, февраль 2009 г.) / Ульяновск: УЛГУ, 2009 в. 378 с. С. 168-172.

Маркина Е.Е., Колесникова И.Н. Переходный тип ответов в диалоге (информатизм и эстетизм) / Русское слово: Материалы международной научно-практической конференции памяти профессора Е.И. Никитиной. 18 февраля 2010 года. Выпуск 2. Часть 1. Ульяновск: УлГПУ, 2010. 218 с. С. 146-151.

Меркулова А.С. Наркозависимый как тип языковой личности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2006.

Смирнова Е.Д. Логическая семантика и философские основания логики. М., 1986.

Сосинская И.Н. Нарративное словоупотребление в современном поэтическом дискурсе // Актуальные процессы в различных типах дискурсов: Материалы международной конференции 19-21 июня 2009 г. Москва-Ярославль: Ремдер. 2009. С. 459-462.

Сыченко В.В. Интервью-портрет в системе современных публицистических жанров // Вестн. Моск. ун-та. Сер 10. Журналистика, 2000. №2. С.108-114.

Шаповалова Н.Г. Формирование модельной личности ведущего ток-шоу как одна из современных тенденций в развитии дискурса российских СМИ // Актуальные процессы в различных типах дискурсов: Материалы международной конференции 19-21 июня 2009г. Москва-Ярославль: Ремдер. 2009. С. 576-586.

Швец Е.В. «Звездное» интервью в коммуникативно-прагматическом аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2004.

Шестак Л.А. Русская языковая личность (Коды образной вербализации тезауруса): Дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2003.